

А. В. Зайцев

ИГОРЬ ДЕДКОВ, КОСТРОМА: СЕНТЯБРЬ 1957 г.

Введение

Публикуемый материал (эссе) под названием «Сентябрь пятьдесят седьмого» был написан И. А. Дедковым в 1963 г. и, скорее всего, предназначался для его «Дневника» как воспоминание о начале работы в газете «Северная правда» в городе Костроме после окончания факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Однако в тексте «Дневника» этот содержательный фрагмент воспоминаний И. А. Дедкова отсутствует. Нет его и среди обширного корпуса статей, очерков и книг, содержащих мемуарные аспекты обращений критика к своей жизни в костромской провинции.

Скорее всего, эта небольшая машинописная рукопись просто затерялась, забылась, а может, и утратила свою былую актуальность и злободневность в зрелом возрасте, на исходе жизни, когда И. А. Дедков многие факты своей биографии оценивал уже с иных позиций, нежели чем в юности. Так или иначе, но публикуемая рукопись значительно дополняет, расширяет и углубляет крайне скупые дневниковые записи и существующие представления о самом начале его профессиональной карьеры.

Трудно назвать, что представляет собой жанр этой ранее не печатавшейся рукописи. С одной стороны, это воспоминания.

© Зайцев А. В., 2021

Зайцев Александр Владимирович — кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, директор Межрегионального научно-просветительского центра имени И. А. Дедкова, aleksandr-kostroma@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Dr. Sc. (Political), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications, Kostroma State University, Director of the Interregional Scientific and Educational Center named after I. A. Dedkov).

Однако образность и герметичность повествования, а так же некая фантазмагоричность и сюрреалистичность придают ей художественную специфику, превращая во что-то вроде короткого документализированного эссе. Несомненно, что в юности И. А. Дедков придавал этому тексту, как документальному свидетельству своего одиночества и растерянности, достаточно большое и серьезное значение. Но с течением времени эти чувства несколько притупились. Текст в глазах автора утратил былую актуальность и оказался забыт, затерявшись среди других бумаг, набросков, рукописей и иных до сих пор все еще не опубликованных и, отчасти, даже неразобранных материалов «дедковского архива» в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова при Костромском государственном университете.

Кроме публикуемого текста в архиве И. А. Дедкова сохранилось огромное количество писем, в том числе к будущей супруге Т. Ф. Сальниковой (Дедковой). Только начиная с сентября 1957 г. и до конца этого года, по нашим подсчетам, им было написано ей порядка 39 писем, в том числе 9 писем (иногда сразу по два за один день) в сентябре этого же года. Самое первое из этого перечня дедковских писем позволило нам установить точную дату его прибытия в провинциальную Кострому. В приводимых ниже текстах писем и воспоминаний сохраняется орфография и пунктуация их авторов.

Постановка проблемы. В комментариях к «Дневнику» мужа Т. Ф. Сальникова (Дедкова) указывает, что «9 сентября 1957 года Дедков приехал в Кострому»¹. А в статье «Первая поездка» она пишет, что «10 сентября 1957 года двадцатитрехлетний выпускник Московского университета Игорь Дедков вышел из вагона на пустынную привокзальную площадь Костромы»².

Память подвела Тамару Федоровну? Как нам удалось документально установить, это произошло несколько раньше. В Кострому И. А. Дедков первоначально планировал прибыть (как и его сокурсник В. Ляпунов) к первому сентября, затем собирался выехать в ночь на 2 сентября 1957 года. Однако из-за болезни,

¹ Дедков И. Дневник. 1953—1954. М., 2005. С. 607.

² Дедкова Т. Первая поездка // Дедков И. Наше живое время: книга воспоминаний, статей и интервью. М.: Изд.-во МГУ, 2013. С. 223.

как это вытекает из самого первого письма И. А. Дедкова Т. Ф. Сальниковой из Костромы, он прибыл к месту своей работы 5 сентября 1957 г.³ Впечатления от провинциального городка, описываемые Игорем Александровичем, первоначально были откровенно ужасны.

«В городе лают собаки, кричат петухи, улицы можно переходить под любым углом и в любом месте, — пишет И. А. Дедков в письме от 7 сентября 1957 г., — Не было еще случая, чтобы я проходя по скверу или по парку не натолкнулся на пьяных. Они разумны настолько, что не валяются на земле, зато занимают множество городских садовых скамеек и лавочек»⁴.

К несчастью, перед самым отъездом из Москвы, у будущего журналиста произошло обострение хронического заболевания — туберкулеза. Эту болезнь И. А. Дедков «подхватил» еще в период эвакуации в тыл во время войны. Болезнь то отступала, то вновь обострялась. Именно так произошло и в самом конце августа 1957 г., что несколько отодвинуло его отъезд к месту будущей работы. Однако недуг давал о себе знать и после начала трудовой деятельности в Костроме.

Вот как об этом писал сам И. А. Дедков своей невесте в Москву, рассказывая о том, что лекарство он принимает не регулярно. А у себя на квартире принимает втихомолку, потому что не хочет, чтобы об этом «знали хозяева — скажут — больной, то да се. Иной раз утром спешешь — не успеешь отсыпать из пакетика и взять с собой. Другой раз — мотаешься где-нибудь по учреждениям — там забываешь — не до этого. Так что трудно следить за этим. Чувствую себя вообще неплохо. Правда, устаю — вечером хочется спать, никуда не хожу (в кино или куда еще)». Температуру, как пишет И. А. Дедков, он измеряет трижды в день. И, по обыкновению, она непостоянна: один раз — 36,4, другой — 37,1, третий — 37,3. А накануне написания и отправки

---

³ Письмо И. Дедкова к Т. Сальниковой (Дедковой) от 5 сентября 1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова при Костромском государственном университете.

⁴ Письмо И. Дедкова к Т. Сальниковой (Дедковой) от 7 сентября 1957 г. // Там же.

этого письма еще и простудился, в результате — насморк, «глаза на мокром месте» и кашель⁵.

Несколькими днями ранее, чем И. А. Дедков, приехал на работу в газету «Северная правда», сюда же и также по распределению другой выпускник факультета журналистики МГУ Владимир Ляпунов. Этот бывший воспитанник детского дома, принятый на работу в эту же газету литсотрудником сельхозотдела, снял небольшую комнату, расположенную в полутора кварталах от редакции по адресу: город Кострома, улица Симановского, дом 27, квартира № 9. Хозяином квартиры в то время был М. П. Магницкий, шестидесятитрехлетний военный пенсионер и бухгалтер. Здесь, в одной из комнат двухэтажного старого дома, вместе с бывшим однокашником по университету поселился и И. А. Дедков.

Первоначально, еще во время распределения, И. Дедков был определен на работу в газете в качестве литературного сотрудника отдела пропаганды, однако уже после прибытия в город его сразу же перевели в отдел партийной жизни для освещения работы комсомольских организаций области. Первые газетные материалы Игоря Александровича беспощадно правились, браковались, неоднократно переделывались и переписывались, что еще более усиливало тяжелый осадок в восприятии провинциальной действительности, формировавшийся у молодого журналиста.

«Я пишу, но от моих писаний мало что остается в газете! — Сообщает невесте И. А. Дедков в письме от 5 октября 1957 г. — Нельзя же все сваливать на идейную невозможность писать как надо? Значит, я пишу плохо. Меня гнетет проклятая неуверенность. А некоторые вещи я просто бессилён писать — это репортажи о соц. соревновании. Я не могу ничего написать — я могу написать только правду, существующую. Но ведь остальные пишут о соц. соревновании и никто не осмеливается сказать, что это ложь»⁶. В следующем письме, датированном 10 октября этого же года, он вновь возвращается к своим первым журналистским неудачам и недовольству своей работой в газете, поскольку ничего

⁵ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 14 сентября 1957 г. // Там же.

⁶ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 5 октября 1957 г. // Там же.

стоящего не написал. А то, что «ты видела напечатанным, — это очень мало напоминает мои действительные материалы»⁷.

Актуальность проблемы и методы исследования. Актуальность публикуемого материала состоит в том, что он ликвидирует объективно существующий пробел в изучении жизни и деятельности «раннего» И. А. Дедкова сразу же после приезда из столицы в провинциальный город Кострому. На основе нового фактологического материала реконструируется специфика его мировоззрения и миропонимания с последующей эволюцией и трансформацией его мироощущений и отношения к жизни провинции в более зрелом возрасте. В статье использованы такие методы исследования, как элементы системного анализа, индукции и дедукции, диалектического и исторического подходов, дискурсивного и нарративного анализа.

Впрочем, как это уже было отмечено выше, с течением времени восприятие города, его улиц, площадей, окружающих людей и повседневного редакционного быта претерпят самые радикальные изменения. И на смену прежней, довольно мрачной картины, изображенной И. Дедковым в публикуемом материале, придет более светлое и оптимистическое восприятие окружающей действительности, города и его обитателей. «Я благодарен Костроме за ее несуетность, за ее тишину, за ее книги, за правоту и свободу ее университетов, за ее суровость и доброту, за ее читателей, — так пишет уже адаптировавшийся к городу “зрелый” И. Дедков. — Я благодарен русской провинции за уроки стойкости и скромности, за мудрость и консерватизм ее живой жизни»⁸. Провинция для И. А. Дедкова, как это он неоднократно подчеркивал, — это не географическое и не административное (как у древних римлян) понятие, а Россия областная, местная, обширная, глубокая и дальняя. Провинция, в его восприятии, — это не синоним косности или задержки в развитии и, тем более, отсталости. Провинция — это реальная сфера бытия людей за пределами столицы, куда, не цепляясь за пропуск, сознательно уехал

---

⁷ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 10 октября 1957 г. // Там же.

⁸ *Дедков И. А.* Наше слово — не пустой репортерский звон // Дедков И. Наше живое время: книга воспоминаний, статей и интервью. М.: Изд.-во МГУ, 2013. С. 10.

и он сам, и весь выпускной курс факультета журналистики 1957 года

Публикуя данные, ранее неизвестные широкой аудитории материалы, сошлемся на слова Н. Биккенина, в прошлом член-корреспондента Российской Академии Наук и главного редактора журнала «Свободная мысль», в котором трудился И. А. Дедков уже на завершающем «посткостромском» этапе своей биографии: «Наше понимание сознания, психологии и поведения российской интеллигенции будет невозможно вне анализа творчества, жизни и судьбы Игоря Александровича Дедкова»⁹.

Текст этой не публиковавшейся рукописи значительно расширяет ранее имевшиеся представления о начальном этапе биографии И. А. Дедкова, а также о его первоначальных ощущениях, связанных с восприятием специфики провинциальной жизни и началом творческой деятельности.

Основная часть

Сентябрь пятьдесят седьмого

Никогда не было таких сентябрей, как в тот год. По крайней мере, у меня никогда не было и больше не будет.

Город показался мне пыльным и никаким. Пройдут годы, прежде чем я разгляжу его реликвии и постаменты. Я ходил весь в испарине, и дома мелькали, и люди: это был серый непрерывный забор, и я спешил вдоль него и мыслями своими был там, впереди, в фабричных цехах, откуда мне предстояло писать репортажи о новом подъеме социалистического соревнования, и я боялся, что ничего не увижу и не напишу, потому что не знаю, как с Ними говорить, с чего начинать и как обнаруживать необыденное, выдающееся, до трепета героическое.

Мои, по уверению мамы, больные легкие раздраженно дышали жаркой и густой пылью, и вечерами я рухал на кровать и переживал все свое дневное, жалкое и одинокое в этом чужом и никаком городе, равнодушном, как лес.

---

⁹ Биккенин Н. Послесловие читателя // Дедков И. А. Любить? Ненавидеть? Еще что? ...: заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей жизни. М., 1995. С. 146.

Никакой город моего страха и одиночества.

О, мое воспаленное дон-кихотство на несостоявшемся почетном одре за маминой спиной! И за папиной спиной. И за непроницаемой спиной Предстоящего, но еще не начавшегося, а потому освещенного всеми сияющими лучами российского революционно-демократического оптимизма, гласящего, что будущее светло и прекрасно и нужно его старательно приближать.

Новоявленный властитель дум в истосковавшемся по прогрессу и правде и теперь ликующем городе. Аплодисменты, переходящие в овацию всего зала. Все встают. С пением Интернационала возбужденный пролетариат сомкнутыми железными колоннами марширует по бульжному спуску к Волге. Речной порт поднял пары: переправа на возделанный московский берег обеспечена: толстосумам конец. Интеллигентные девушки мрут от восторга и революционного энтузиазма: мысленно они сочиняют письма, которые полетят мне вдогонку. И я тяну сияющий носок, и рука твердо берет под сияющий нахимовский козырек, и марш «Прощание с Родиной»¹⁰ звучит в моем сердце...

Здравствуйте, [под]поручик Ромашов¹¹.

На никаком плацу в никаком городе никакого государства мы встретились с вами.

Нам казалось, мы что-то значим для тех, на трибунах, и особенно для тех, сидящих в ложах нашего воображения.

Ах, как ужасно летен этот сентябрь пятьдесят седьмого! Каждый вечер я рухаю на койку, пораженный духотой, и мне хо-

---

¹⁰ Марш «Прощание с Родиной» более известен как «Полонез Огинского» (полонез ля-минор), который, на фоне бравурных маршей, подчеркивает тоскливое, грустное и подавленное состояние автора текста.

¹¹ Подпоручик Ромашов (в тексте И. А. Дедкова — «поручик») — герой во многом автобиографической повести А. Куприна «Поединок» — Юрий (Георгий, Ромочка, Ромашка) Алексеевич Ромашов. Действие, описываемое в произведении, протекает в одном из захолустных городков Российской империи. В «Поединке» А. Куприн рассказывает о конфликте молодого подпоручика Г. Ромашова с одним из старших офицеров полка, в котором он служит. Их противоборство описывается писателем на фоне столкновения романтического мировоззрения юного подпоручика с пошлым миром и мещанскими нравами захолустья, в котором протекает его служба.

чется, чтобы смерть поводила меня за руку, а потом где-то на краю отпустила, дала домаришировать, докрасоваться.

Здравствуй, Ромочка!

Вы хотите стреляться?

Ночью, трезвой, клоповной ночью, вам будет очень жалко себя, и вы обольетесь тихими слезами, как маленький.

И папа, и мама в концерте, и старая няня храпит на кухне, и никакие слезы ее не разбудят, потому что какую няню удивишь слезами?

И никто не погладит вас по голове и не скажет: так надо, милый. И нельзя иначе, милый.

Я выйду на сухой бетонный плац, и во все стороны ему не будет конца — с таких стартуют реактивные самолеты. И застучат мои каблукки, тревожа утро дуэли.

Не утруждайте себя, [под]поручик. Не делайте напрасных усилий. Не спешите поднять эту заряженную штуку. Лучшие так, опустив руки.

Стреляйте, господа. Нам просто не повезло, поручик. Значит, повезет другим.

Ваши слезы испаряются, едва прикоснувшись этой забетонированной земли. Уж очень ясен этот сентябрь. Пусть их — стреляют.

Далась же нам эта Россия — горькая как полынь, не верящая слезам.

Плюс один, минус один — какая разница.

А чему она верит?

А какое нам дело?

Город был никаким — очень чужим и мне не хотелось его запоминать, но разве запоминают нарочно?

Я задыхался при свете его дня и любил вечерние улицы, пахнущие затхлой свежестью подзаборов¹².

---

¹² В. В. Маяковский еще со школьной скамьи был самым любимым советским поэтом И. А. Дедкова. В данном конкретном случае он вполне явственно отсылает читателя к следующим строкам этого поэта («Лозунги 1929—1930 годов»): «...Затхлым воздухом — жизнь режем. Товарищи, отдыхайте на воздухе свежем...».

Мы обживаемся в городах как в новой комнате. Проходит жизнь, и ты знаешь каждый подтек на стене не хуже клопа, проползшего вдоль и поперек стены этой коробки. Такая коробка пахнет вновь обретенным отечеством. Известно: отечество — молодечество¹³, Кострома — терема¹⁴. От счастья в пору сойти с ума.

Ни теремов, ни памятников архитектуры, ни отечества. Этого не было. На их месте — голо. Прочерк. Провал памяти. Прострация, а не пространство.

Я хожу вдоль и поперек. От почты до почты¹⁵. Взгляд от дверей на стол. И взгляд от дверей на стол опять. Где же письмо — единственная реальность в этом реальнейшем до нереальности бытие? Между взглядами сутки. Сутки в никаком городе. Душиным сентябрем пятьдесят седьмого. Гнилая интеллигенция. Слезливая и жалостливая¹⁶.

А ведь и иначе не могло быть, и, если б было иначе, какими великолепными клопами в молодеческом отечестве я б вышел в великолепные товарищи!

1963 г.

---

¹³ И. А. Дедков, используя оппозицию «отечество — молодечество», имеет в виду следующие строки поэмы В. В. Маяковского «Хорошо»: «Что это за отечество у забывших об нации? Какая нация у вас? Коминтерина? Жена, да квартира, да счет текущий — вот это — отечество, райские кущи. Ради бы вот такого отечества мы понимали б и смерть и молодечество».

¹⁴ Кострома до революции и в советское время славилась своими деревянными теремами, впоследствии собранными в Музее деревянного зодчества, расположенного прямо под открытым небом возле стен знаменитого Ипатьевского монастыря, где в последующем очень любил гулять Игорь Александрович.

¹⁵ И. Дедков, приехав в Кострому, много писал писем и сам ждал их от своей невесты, нередко упрекая ее за то, что она будто бы редко ему посылает свои письма. При этом — для более быстрой их доставки — опускал свою корреспонденцию не в обычный почтовый ящик, а относил прямо на главпочтамт.

¹⁶ В данных строках И. Дедков как бы подчеркивает свое духовное одиночество, вынужденно вживаясь в новую и не привычную для него обстановку провинциального быта небольшого, по-мещански пропахшего клопами городка.

Заключение

В качестве заключения можно сделать вывод о том, что И. А. Дедков уже в молодом возрасте обладал достаточно большим объемом знаний, умел грамотно излагать свои мысли, используя для этого метод свободных ассоциаций, «эзопов язык», иносказания, скрытые намеки и аллегории. Его отношение к городу, в котором ему пришлось прожить более тридцати лет и превратиться из начинающего журналиста в известного литературного критика, было неоднозначным. Многие в Костроме казались чужим, вызывало отторжение, удивление, досаду и непонимание. Среди гаммы эмоций, которые прорываются в тексте публикуемого эссе, наиболее отчетливо проявляются чувства одиночества, заброшенности, чуждости его личного экзистенциального существования повседневному быту и культуре провинциального города и населяющих его горожан. Впрочем, постепенно он все более и более обзаводится связями в среде местной интеллигенции, среди художников, преподавателей педагогического института, краеведов, библиотекарей, музейных и архивных работников. Кроме этого, он начинает посещать областную научную библиотеку, где получает доступ к книгам таких дореволюционных авторов, как Н. Милуков, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков, Д. Мережковский и др. То есть постепенно вживается и адаптируется к повседневному быту и бытию в лоне местной провинциальной жизни. Прежде чужой город становится для И. А. Дедкова по-настоящему своим.